

Лешка Ложкин сильно удивился, когда ему позвонил представитель избирательного штаба одного из кандидатов в депутаты областной думы и предложил поучаствовать в предвыборной кампании своего шефа. Оказалось, что подробности истории с первоапрельским выпуском новостей все ж стали известны в узких кругах. Прежний главный редактор новостей чем-то не угодил кандидату, кажется, не давал ему время в эфире (связано это, скорее всего, было не с политикой, а с финансами), и тот очень веселился, когда его недоброжелателя отправили в отставку. Правда, новый начальник его в эфир тоже не выпускал, но кандидат все ж предложил парня, заварившего всю эту кашу, как-то трудоустроить.

В назначенное время Лешка явился в предвыборный штаб, под который переоборудовали помещение

какого-то разорившегося промтоварного магазина. Внутри прослеживалась вялотекущая суэта. На столах пачками лежали листовки. На стенах, выкрашенных светло-коричневой краской, красовались плакаты с кандидатом в самых выигрышных, на взгляд нанятых им политтехнологов, позах.

— Будешь листовки с предвыборной программой нашего кандидата на улицах проходим раздавать, — сказали Лешке в избирательном штабе.

Действительность его разочаровала. Она надеялся на предложения поинтереснее.

— Рубль за одну листовку. Чем больше раздашь — тем больше получишь. Отчитываться о проделанной работе будешь каждый день лично мне. Зовут меня Михаил. Только не смей их в мусорный бак выбросить. Узнаю — штраф наложу. Попробуй не отдай. У нас руки длинные.

Лешка невольно посмотрел на руки Михаила, но те были обычной длины. Опустил он их вдоль боков — до земли не достанет, как получалось это у человекообразных обезьян. Но все же что-то Михаила с ними роднило. Наверное, сильно развитые надбровные дуги и не очень выраженный лоб.

Лешка не стал ему пояснять, что существуют более действенные способы избавиться от листовок, после которых и следов не остается. Например, их можно сжечь. Опыт у него был, когда он уничтожил свою трудовую книжку с записью причин увольнения со своей прежней работы, на которой продержался почти две недели.

«Рубль за каждую розданную листовку — тоже неплохо, — успокаивал он себя. — Бабок хоть срублю».

Ему выдали бесформенный балахон, который он должен был во время работы надевать поверх обычной одежды. На груди у балахона была написана фамилия кандидата, а на спине — его предвыборный лозунг: «За достойный труд — достойную оплату».

Лешка считал, что кандидат мог бы уже сейчас претворять в жизнь свой лозунг и платить ему побольше обещанного, а если он этого не делает — значит, все его обещания лживые, и как он доберется до власти, только о своем кармане и будет думать. Но сколько сворует кандидат из областного бюджета, Лешку абсолютно не интересовало, потому что лично ему, как в случае победы на выборах работодателя, так и в случае его поражения, ничего лишнего не перепадет.

Его проинструктировали, что он должен говорить прохожим, вручили пачку листовок и отправили на Большую дорогу.

На первых порах Лешка улыбался абсолютно всем прохожим, как умалишенный, который смотрит на мир сквозь розовые очки, тянул к ним руку с листовкой, но большинство от него отмахивались, а те, кто все ж листовку забирал, тут же переправляли ее в ближайший мусорный бак. Вскоре там скопилось изрядное их количество. Они валялись на асфальте. Ветер гонял листовки по улице.

С одной стороны, Лешка честно выполнял свою работу, но с другой — его ведь могли заподозрить в том, что он рекомендациям не внял и листовки эти выбросил сам. Пойди докажи обратное. Не устроят же дактилоскопическую экспертизу, удостоверившись, что, помимо Лешкиных отпечатков, на листовках есть и еще чьи-то, доказывающие его невиновность. В лучшем случае ему не дадут обещанных денег, а про худший думать пока не хотелось.

Выброшенные листовки, конечно, можно было собрать и начать их раздавать вторично, но и в этом случае судьба их повторится. И вообще, они были од-

норазовыми, как и предметы контрацепции, и на повторное использование не рассчитывались.

Лешка устал, ноги у него гудели, за день хождений и унижений он заработал разве что на обед в институтской столовой, а тут еще на него взъелся дворник. Подбежал и прочь погнался, охаявая по разным частям тела метлой.

— Да ты что? — отмахивался от него Лешка.

— Проваливай. Насорил-то, гад! За тобой вот теперь твой мусор убирать, — кричал дворник.

— Это не мой мусор, — попробовал защищаться Лешка, — а кандидата нашего.

— Проваливай! — не унимался дворник.

Лешке пришлось сменить дислокацию, переместиться поближе к железнодорожному вокзалу. Там схожую с ним работу выполняли представители других избирательных штабов. Процесс раздачи листовок проходил мирно. Разборки с конкурентами никто не устраивал. Всем было безразлично, кто одержит победу, потому что работали люди не за идею, а за деньги, правда, очень маленькие. Жизнь их при любых итогах не изменится и лучше не станет, разве что для выявления победителя потребуется второй тур, и тогда работа их продлится подольше. Они делали вид, что друг друга не замечают. Это Лешку устраивало, но вдруг на него набросился какой-то тщедушный старичок с вытаращенными, налитыми злобой глазами и закричал:

— Да твой Шакалевский — бандит и вор! Курчина надо в депутаты! Он честный человек!

Лешка не понял, что от него хотят и отчего этот старичок к нему пристал. Только спустя несколько секунд до него дошло, что на его балахоне как раз «Шакалевский» и значится. Это фамилия его работодателя.

Спорить с избирателем и что-то ему доказывать смысла не было. За это Лешке не платили. К тому же он понятия не имел, как его работодатель собрал свои капиталы, и старичок мог оказаться прав.

А может, это кто-то из конкурентов все ж перешел в наступление и специально нанял старичка на роль провокатора? В Сети таких называли троллями.

«Дед, ты тролль?» — хотел спросить Лешка.

День был испорчен, старичок мог превратить его остатки в сущий ад. Он никуда не уходил. Скоро начнут собираться прохожие, чтобы понаблюдать за бесплатным представлением. Все они будут на стороне этого злобного старичка и Лешку заклюют советами идти работать на завод. Пришлось ему покинуть поле проигранного сражения. Он понуро потащился в штаб отчитываться, по дороге по инерции продолжая раздавать листовки, но остаток все равно составил больше половины выданной пачки.

Михаил таким результатам работы своего подчиненного явно огорчился. Насколько позволяло знание русской словесности, он попытался донести до Лешки, что тот работает малоэффективно, желающих занять его место воз и маленькая тележка и если он и завтра вернет столько же нерозданных листовок, придется его уволить. Первоначально фразы Михаила звучали не так политкорректно. В его лексиконе было много производных от слова на три буквы, и порой их вполне хватало Михаилу, чтобы выразить свою мысль.

Лешка слишком устал, чтобы что-то возражать и оправдываться. Пустая это трата времени. Он считал, что предвыборный штаб работает некреативно. Напечатали бы эти листовки с календариком на оборотной стороне — тогда бы они хоть в хозяйстве сгодились.

Результат следующего дня был столь же печален. Стахановской выработкой Лешка похвастаться не мог. Но, видимо, Михаил все же преувеличил число кандидатов, желающих раздавать листовки вместо Лешки. Его не выгнали.

По прошествии трех дней таких мучений Лешка возненавидел окружающих и мысленно проклинал всех и вся. Попутно он выяснил, что Шакалевский имеет неплохие шансы получить мандат. Его основной конкурент — Курчин — тот, о ком распался тот злобный старичок, и вот предполагается, что именно между двумя этими кандидатами развернется основная борьба.

Что один, что другой — Лешке было абсолютно едино. В нем просыпалась ненависть к Курчину из-за того, что старичок-то явно был засланным казачком, а Лешка такой черный пиар, направленный не против его работодателя, а против него лично, оставить без последствий не мог.

Надо было ответить адекватно или даже асимметрично, благо в голове появилась отличная идея. Доверять ее Михаилу Лешка не хотел. В предвыборном штабе поговорить удалось лишь с кем-то из заместителей председателя, которому Лешка все и рассказал.

На туалетной бумаге надо было напечатать портрет человека, напоминающего Курчина, и продавать ее под рекламным слоганом «Узнай, какого цвета твой Курчин».

В штабе на идею отреагировали оперативно. Заказ быстро разместили на ближайшей целлюлозно-бумажной фабрике. В магазинах эти рулоны продавались всего дней пять, после чего решением суда их изъяли, а адвокаты Курчина подали иск на Шакалевского за оскорбление личности. Но и этого хватило, чтобы у избирателей Курчин начал стойко ассоциироваться с отходами человеческой жизнедеятельности. Серьезно его никто теперь не воспринимал. Этого кандидата

можно было писать в утиль, а шутка «Какого цвета твой Курчин?» прижилась среди обитателей города.

Но судьба к Лешке опять была несправедлива. Никаких премий он не получил, ему и «спасибо» никто не сказал. Зам. председателя идею его присвоил, и все лавры от удачного предвыборного хода достались ему. Что-то доказывать было бессмысленно. Лешке даже листовки раздавать больше не доверили, балахон отобрали и указали на дверь, поспешив избавиться как от отработанного материала. Вероятно, зам. председателя избирательного штаба не хотел, чтобы Лешка маячил у него перед глазами, напоминая об украденной идее.

Вечерело. Лешка, погруженный в свои грустные размышления, устало брел домой. Вдруг на голову его что-то обрушилось, словно метеорит на мирную жизнь динозавров, а улицу, и без того темную, совсем заволокло мраком, не рассеявшимся даже, когда Лешка спустя какое-то время пришел в себя.

Голова гудела, на затылке ощущалась громадная шишка, волосы слиплись от крови. В рот запихнули какую-то тряпку. Он лежал на чем-то жестком и неудобном, согнувшись в три погибели. Поверхность под ним едва дрожала. В спертом воздухе стоял отвратительный запах машинного масла. Дышалось с трудом. В Лешкины бока, голову и ноги упирались какие-то выступы. В гробу лежать и то было удобнее.

Он застонал, хотел пощупать голову, но вдруг понял, что едва может пошевелить руками. Они были заломлены за спину и скованы чем-то впивающимся в запястья. Слышался гул работающего двигателя, сквозь который проступали звуки музыки.

Сознание взорвалось от ужаса. Лешка завыл, догадавшись, где находится. Перевернувшись на спину, коленками уперся в крышку багажника, но открыть ее не сумел. Не было ему спасения. Оставалось только ждать, когда его вытащат из багажника, и уж тогда попробовать убежать. Куда со скованными руками убежишь? Он не хотел даже думать о том, куда его везут, но предательские мысли об этом все напоздали и напоздали, повергая в несусветный ужас. Ну право же, кто он такой, чтобы его похищать? И все же слабо верилось, что похитители ошиблись и не разобрались в темноте, на кого напали.

«Это все из-за туалетной бумаги».

Лешка зарекся, что если ему удастся выбраться из этой передраги, он будет вести тихий и незаметный образ жизни, потому что до сих пор его затеи, кроме бед, ничего не приносили.

Похитители отчего-то не забрали у него мобильный телефон, ощущаемый сейчас в кармане куртки, но позвонить кому-либо Лешка все равно был не в состоянии.

Он не знал, сколько времени прошло, прежде чем поверхность под ним сильно затряслась. Вероятно, машина свернула с асфальта на разбитую грунтовую дорогу. Проехав по ней минут пять, машина остановилась. Двигатель продолжал работать, но двери с обеих сторон захлопали.

Крышка багажника открылась. На Лешку дохнуло свежим воздухом. В темноте угадывались силуэты двух склонившихся над ним мужчин. Крепкие руки начали его вытаскивать. Лешка не сопротивлялся, только мотал головой и мычал, потому что кляп во рту мешал ему заголосить во все горло. Его поставили на ноги, толкнули в спину, приказывая идти вперед.

Одеды похитители были в джинсы и свитера. В городе при дневном свете никого из них Лешка и не узнает, потому что лиц не разглядел.

Вокруг высились деревья, под ногами была неровная земля. Ноги стали ватными и совсем не слушались. Лешка начал оседать. В этот момент кто-то из похитителей больно пихнул его ботинком в зад. Упав, Лешка перепачкался и разбил в кровь нос.

— Чего на ногах-то не стоишь? — сказал кто-то из похитителей.

Лешка опять замычал, кляп-то ему не вытащили, и ответить вразумительно не мог. Попыток подняться он не предпринимал, полагая, что стоит ему хоть на коленки встать, как его опять повалят на землю, и этим он только позабавит своих похитителей.

— Вот здесь, что ли, тебя завалить или подальше? — послышался тот же голос.

— Здесь. Таскать его неохота. Чего тянуть-то? — вступил в разговор второй похититель.

В Лешкин затылок уткнулось что-то холодное и твердое. Он весь точно онемел, не мог ни одним членом пошевелить, и только веки сильно сжал.

— Смотри-ка, чего-то он не хочет показать нам, какого цвета его Курчин, — сказал первый похититель.

— Да больно надо. — Голос второго похитителя раздавался прямо возле Лешкиной головы. Вот кто пистолет в его затылок упирает.

— И то верно. Поехали же.

Пистолет от затылка убрали, а Лешка, уже пригнотившись к самому страшному, все никак не мог поверить в чудо. Желудок его предательски заурчал, а мочевого пузыря буквально взрывался.

— Ты думай, кому дорогу переходишь. Зря ты Курчину выборы своей туалетной бумагой обломал. Он мужик нормальный. Не то что твой Шакалевский. Но вот хлопни мы тебя здесь, никто не поймет, из-за чего. А за бумагу эту кое-кто уже ответил.

Выходило, что тот зам. председателя предвыборного штаба, присвоив себе Лешкину идею, благо ему

сделал. А он-то на него злился, строил планы мести. Но как эти два парня узнали, что туалетная бумага — это Лешкина затея? Они что, зама похитители, в лес его привезли, а тот стал канючить, что не виноват он, зависть попутала, и открыл им, кто ж зачинщик всего этого скандала? А что значит фраза «за бумагу кое-кто ответил»? Они что ж, зама грохнули?

«Кто мою идею похитит — от нее и погибнет», — пронеслось в Лешкиной голове. Он невольно улыбнулся. Хорошо, что улыбки этой похитителя не увидели.

Ему приказали лежать и не двигаться, что он и выполнял, пока ему вытаскивали кляп и развязывали руки. Он лежал с закрытыми глазами и слушал, как урчит двигатель. Двери машины вновь хлопнули, потом она тронулась с места.

Лишь спустя несколько минут после того, как вокруг наступила тишина, он перекатился на спину, открыл глаза и посмотрел в небеса.

Сквозь ветки сверкали звезды. В кронах деревьев гулял ветер. Спине было холодно, но, наверное, никогда Лешка не ощущал такого блаженного состояния. Вот что значит заново родиться. Этак второй день рождения можно отмечать, только не стоит никому рассказывать, что для этого послужило поводом.

В куртке он нащупал мобильный, вытащил, осветил экран. Красная точка на карте показала, где он находится. Чтобы выбраться отсюда, надо было продраться к какой-то грунтовой дороге, выводящей к шоссе, а там и до города рукой подать. Всего-то двадцать километров. На своих двоих — не дойдешь, вернее, дойдешь, но очень не скоро. Куда спешить? Вся жизнь еще впереди. Это чувство наполнило Лешку радостью. Он поднялся, расстегнул штаны и полил ближайший куст.

Лешка шел на ватных ногах, точно зомби. Пару раз он упал, совсем уж измазавшись, как свинья, которая только и делает, что в грязи кувьркается. На дороге образовались глубокие колеи. Машина с низкой посадкой сядет здесь на брюхо. Лешка шел посередине. Кровь из носа идти давно перестала, но наверняка сейчас все лицо было измазано, как у перекусившего вампира. В колеях попадались лужицы, но Лешка брезговал умываться этой водой. Еще занесешь какую-нибудь заразу.

Ему постоянно чудилось, что за ним кто-то следит, что вот сейчас из темноты появится какой-нибудь страшный зверь и покусает его, а то и загрызет. Сердце от каждого шороха учащенно билось, по телу бежали мурашки. Лешка вертел головой и до боли в глазах вглядывался в темноту. Зубы немного дрожали — больше от перенесенного стресса, чем от холода. Впечатлений от такого приключения ему точно надолго хватит.

Наконец Лешка добрался до двухполосного асфальтового шоссе. На обочине его вряд ли заметят. А если и заметят — не притормозят и пронесутся мимо, будто увидев какого-то призрака. Кому нужны лишние проблемы? У Лешки сейчас такой вид, что если с ним свяжешься, точно проблем не оберешься. Выбегать на дорогу, привлекая к себе внимание и перегораживая путь проезжим машинам, он опасался. Случайно и задавить в темноте могут.

Ожил телефон. Прежде чем ответить, Лешка посмотрел на номер.

— Ты где? С тобой все в порядке?

Услышав в трубке мамин голос, Лешка думал, какие бы кошмары она представила, не дозвонившись до него часом ранее.

— Ага, все отлично. С ребятами за городом завишаю, — частично соврал Лешка, оглядев окрестности.

— А что, так трудно было нам позвонить? — В голове мамы проступили строгие нотки. — Мы же с отцом беспокоимся, не спим.

— Прости, прости. Как-то все неожиданно вышло. В следующий раз обязательно позвоню.

«Ох, не дай бог такого следующего раза»

— Ты когда будешь?

— Думаю, ближе к полудню, — сказал Лешка, смекнув, что даже если он доберется до города гораздо раньше, в таком виде ему все равно нельзя представить перед родителями и надо дожидаться, когда они уйдут на работу. — Не волнуйтесь. Спокойной ночи.

Лешка отошел к краю обочины, нависавшему над кюветом, присел на корточки и принялся играть в телефоне. Убивая время тетрисом, он ждал рассвета. Тогда идти по дороге станет не так опасно. Может, и попутку посчастливится поймать. Случись все парой месяцев ранее — точно околел бы от холода, а сейчас ночью хоть и немного прохладно было, но вполне терпимо. Все-таки удачное время выбирают для избирательной кампании.

Несколько раз мимо него проносились фуры и легковые автомобили. Свет их фар мазал по сидящему Лешке. Возможно, кто-то его и заметил, но никто не остановился. Сцена прямо как из голливудской страшилки: ночь, дорога, одинокая фигура, перепачканная и окровавленная.

Лишь когда темнота превратилась в серую предрассветную муть и Лешку стало видно издалека, возле него затормозила громадная фура с длинным прицепом. Ее водитель, открыв боковое стекло, крикнул:

— Парень, тебе куда?

— В город, — крикнул в ответ Лешка.

— Залезай, подвезу.

Лешка взобрался на подножку, открыл дверцу, посмотрел на водителя — небритого парня лет тридца-

ти с глубокими морщинами вокруг уставших красных глаз. Пассажирское кресло из кожама было вытерто, руль — в оплетке, лобовое стекло обрамляли компакт-диски, а на торпедке виднелась иконка какого-то святого.

— Я тут все перепачкаю, — сказал Лешка, осмотревшись.

— Ерунда, — сказал водитель. — На вот газетку подстели.

Он разложил на кресле газету. На первой странице была помещена фотография губернатора, назвавшего первоапрельский Лешкин розыгрыш экстремистским поступком, разжигающим межнациональную рознь и сеющим панику среди населения. На нее Лешка и присел удовлетворенно. Хорошо, что такое отношение к главе области не расценивалось как оскорбление властей, за которое полагался тюремный срок.

— Ты в какую-то передрыгу попал? — спросил водитель.

— Было немного, но ерунда.

— В полицию-то не надо заявить?

— Не. Все обошлось.

— Ну хорошо, если так. Не хочешь — не рассказывай. Но я под утро засыпаю, когда всю ночь в дороге. Ты говори чего-нибудь. Не давай мне уснуть, а то расшибемся.

— Тогда в выпуск новостей попадем, в криминальную хронику, — сказал Лешка. — Но лучше не надо.

Они проговорили всю дорогу до города, и так Лешка водителю понравился, что тот решил его довезти до самого дома. Но, во-первых, Лешка не планировал так рано заявляться домой, а во-вторых, громадная фура не вписывалась в узкие переулки.

Распрощавшись с водителем, Лешка прошел три квартала до своего двора. Он стеснялся своего истерзанного и потрепанного вида, боялся, что повстречает кого-то из знакомых, начнут расспросы, а то и родителям кто-то доложит. Но на счастье по дороге попались лишь те, кому до него не было никакого дела.

Во дворе Лешка спрятался на детской площадке в пластиковом домике, из которого был виден его подъезд. В этот ранний час на площадке никого не было и лишь иногда сюда забредали собачники со своими питомцами, метившими все, что попадалось, начиная с качелей и заканчивая Лешкиным убежищем.

Удостоверившись, что мать с отцом ушли на работу, он выждал еще пятнадцать минут, на тот случай, если кто-нибудь из них вернется, выбрался из своего укрытия, добежал до подъезда и скрылся за входной дверью.

Дома Лешка первым делом забрался под душ, смыл грязь и кровь, запихнул испачкавшуюся одежду

в стиралку. Он не спал всю ночь, но спать совсем не хотелось.

Когда он пил на кухне кофе, на экране мобильного высветился номер Ашота, того самого, кому Лешка совсем недавно предложил снять ролик, рекламирующий его чурчхелу. Эксперимент вышел неудачным. Ашот, видимо, хотел стребовать с Лешки деньги, которые пришлось отдать, чтобы отделаться от полицейских за ложный вызов. Лешка и рынок, где Ашот торговал, после того случая стороной обходил. Эх, заведет он сейчас какую-нибудь песню, что бизнес его из-за Лешки убытки терпит. Но от него ведь не спрячешься, не отстанет он. Лучше уж сейчас поговорить и сказать, что денег нет.

— Да, — устало сказал Лешка.

— Слушай, ты это... может, снимешь мне рекламу про тот... ну, там где... ну, со мной, но в шляпе?

— По первоначальному сценарию, что ли? — спросил Лешка. — С туземцами разрисованными?

— Да.

— Зачем тебе?

— Надо.

— Это денег стоит.

— Ты ж раньше бесплатно снимал.

— Это было раньше. Теперь не так.

— Сколько? — недовольно спросил Ашот.

— Тридцать тысяч.

Лешка выдвигал заранее невыполнимое условие, потому что помнил свое обещание не связываться с рекламным бизнесом. Он даже обрадуется, если Ашот пошлет его подальше и больше не позвонит.

— Сколько? Ты что, охренел? — Ашот сопел в трубку и негодуя плевался. — Давай за десять, что ли?

— Не. Не пойдет. Тридцать. Это конечная цена. Можешь не торговаться.

Он ушам своим не поверил, когда Ашот, немного поканючив, все-таки принял Лешкины условия и даже согласился внести половину суммы предоплатой.

«Мир цикличен. Мы поднимаемся по спирали на новый уровень. Я прошел один цикл. Теперь, похоже, начинается второй».

Ему было страшно думать о том, как дальше могут развиваться события, учитывая происходившее в первом цикле. Хотелось верить, что будет интересно.

